

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1	
АКАДЕМИЯ НАУК И МОНГОЛИЯ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.	14
1.1. Монголия как объект изучения в Академии наук.....	14
1.2. Академия наук и Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг.: несостоявшееся сотрудничество	32
1.3. Академия наук и Ученый комитет Монголии	43
Глава 2	
ПОИСК ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ИЗУЧЕНИЯ МОНГОЛИИ. 1925–1927 гг.	54
2.1. Комиссия СНК СССР по рассмотрению отчетов и планов Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова	54
2.2. Институт исследования Монголии	63
2.3. Комиссия СНК СССР по научному исследованию Монголии	72
Глава 3	
МОНГОЛЬСКАЯ КОМИССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР — НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ПО ИССЛЕДОВАНИЮ МОНГОЛИИ. 1927–1941 гг.....	89
3.1. В Академии наук на общих основаниях	89

3.2. Договор о сотрудничестве между Академией наук СССР и Ученым комитетом Монголии 1929 г.....	105
3.3. «Встраивание» научных исследований в «запросы практической жизни»	117
3.4. Искоренение абстрактной «академичности».....	136
3.5. Прекращение экспедиционной деятельности Монгольской комиссии.....	150

Глава 4

МОНГОЛЬСКАЯ КОМИССИЯ АКАДЕМИИ НАУК — ЭКСПЕРТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ МОНГОЛИИ. 1945–1953 гг.	169
--	------------

4.1. Возобновление деятельности Монгольской комиссии: старая форма — новое содержание	169
4.2. Монгольская сельскохозяйственная экспедиция Академии наук	187
4.3. Упразднение Монгольской комиссии.....	202

Заключение	209
-------------------------	------------

Приложения

1. Список публикаций Монгольской комиссии.....	212
2. Список экспедиций Монгольской комиссии в 1923–1950 гг.....	222
3. Список членов Монгольской комиссии	246

Именной указатель	251
--------------------------------	------------

Список сокращений.....	278
-------------------------------	------------

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы истории организации академической науки в последнее время все больше привлекают внимание исследователей. Во многом это связано с поиском исторических аналогий для современных проблем взаимоотношения науки и государства и перспектив будущего развития этого альянса. При этом особенно часто обращаются к истории Российской академии наук 1920-х гг., когда происходило формирование взаимодействия Академии наук¹ с новой советской властью и становление ее первенствующего значения в системе государственных научных институтов². Большую роль в этом признании сыграла готовность Академии наук оказывать «ученые услуги» по исследованию страны. Этой работой занималась, прежде всего, Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), организованная еще в 1915 г., и Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС), созданная в 1917 г. С 1924 г. Академия наук стала выполнять и региональные заказы по

¹ Здесь и далее имеется в виду Российская академия наук, РАН (с 1991 г.; до этого: Императорская академия наук (1724–1917), РАН (1917–1925), Академия наук СССР (1925–1991)).

² См., напр.: *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки (1917–1922). М., 1973; *Есаков В.Д.* Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971; *Кольцов А.В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932 гг. Л., 1982; *Козлов Б.И.* Академия наук СССР и индустриализация России. Очерк социальной истории. 1925–1963. М., 2003; Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб., 2001; и др.

исследованию союзных и автономных республик: Якутии, Таджикистана, Казахстана и др. Работы комиссий, созданных для проведения исследовательских работ в регионах, координировал Особый комитет по изучению союзных и автономных республик (ОКИСАР).

В 1927 г. правительство передало в ведение Академии наук изучение Монголии, до этого почти два года (март 1925 г. — январь 1927 г.) проводимое Комиссией Совнаркома (СНК) СССР по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР.

С этой целью в Академии наук была создана специальная Комиссия, сохранившая название своей предшественницы — Комиссии СНК. С 1928 г. она стала называться просто Монгольской комиссией, что в полной мере отражало основное направление ее исследований. Если на приграничной с Монголией территории Танну-Тувы работали некоторые экспедиционные отряды Монгольской комиссии (геологический и археологический), то для исследования Бурятии в 1928 г. была создана особая Комиссия по изучению Бурят-Монгольской республики, под председательством А.Е. Ферсмана, вошедшая в состав ОКИСАР.

Таким образом, говоря современным языком, Академия наук получила государственный заказ на изучение Монголии.

Деятельность Монгольской комиссии не ограничивалась только проведением экспедиционных исследований. В ее задачи также входили камеральные работы — организация обработки привезенных коллекций, картографические работы — подготовка карты Монголии в масштабе 1:1 000 000, и издательская деятельность. В данном исследовании мы ограничиваемся рассмотрением только экспедиционной деятельности, которая занимала самое важное и значительное место в работе Комиссии. Издательская деятельность отображена в приложении к данной работе.

Включение в сферу исследований Академии наук территории другого государства предопределило особенности функционирования Монгольской комиссии, что выражалось, в первую очередь, в контроле за ее деятельностью со стороны Наркоминдел (НКВД). Научная деятельность играла важную роль в советско-монгольских отношениях, особенно в довоенный период, и рассматривалась советским правительством как один из важных факторов усиления политического влияния СССР в Монголии, идеологического оправдания своей политики и повышения международного престижа. Позже работа российских ученых стала необходимым элементом создания экономических основ

монгольского народного хозяйства, организации научно-исследовательских учреждений и воспитания национальных научных кадров.

На примере этого конкретного академического учреждения хорошо прослеживается, как сильна была зависимость научно-организационной деятельности Академии наук в целом от социально-политической ситуации в советском государстве и от его внешнеполитических задач, как велико было влияние политико-идеологических условий в стране на формирование исследовательских программ научного сообщества.

Монгольская комиссия по продолжительности и объему работ занимала видное место в истории Академии наук и российско-монгольских научных отношений. Однако до сих пор среди отечественных исследований не было специальных работ, посвященных рассмотрению ее деятельности. При этом об исследовательских работах в Монголии упоминается во многих изданиях, посвященных истории Академии наук, ее экспедиционной деятельности и международным связям, а первые статьи по этой теме появились уже во второй половине 1920-х гг. Так, в публикации В.П. Гирченко³ после краткого перечисления работ Академии наук на территории Монголии и Бурятии с XVIII в. до начала 1920-х гг. указывается на необходимость продолжения этих исследований, особенно в Бурят-Монголии как автономной республике СССР, для чего автор предлагает организовать специальную экспедицию, подобную экспедиции по изучению Якутской республики. В статье А.Д. Симукова⁴ отмечена роль Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова в привлечении внимания российских и иностранных ученых к изучению Монголии и дан обзор российских экспедиций в Монголии с 1923 г. по 1929 г. по материалам Ученого комитета Монголии, где автор работал с 1926 г.

Однако в дальнейшем тема изучения Монголии Академией наук не нашла должного развития и приобрела черты узкой контекстуальности аргумента в вопросе о расширении международных связей Академии наук или ее экспедиционной деятельности⁵. В указанных публикациях,

³ Гирченко В.П. Роль Академии наук в деле изучения Бурятии и Монголии // Жизнь Бурятии. 1925. № 5–6. С. 11–17.

⁴ Симуков А.Д. Роль СССР в деле исследования Монголии // Хозяйство Монголии. 1929. № 5. С. 43–52.

⁵ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974; История исследований полезных ископаемых экспедициями Академии наук СССР. М., 1966; Международные научные связи Академии наук СССР: 1917–1941. М., 1992.

содержащих богатый фактический материал, информация об этих исследованиях в Монголии носит констатирующий характер, ограничиваясь кратким перечислением экспедиций и их количественных результатов. При этом даже в таком фундаментальном труде как «Материалы к истории Академии наук СССР» (1950) имеются неточности в освещении этого вопроса. Так, например, создание Комиссии СНК по научному исследованию Монголии отнесено к 1923 г.⁶, а Монгольской комиссии АН — к 1932 г.⁷

В работах по истории организации советской науки или совсем не упоминается изучение Монголии, или одной-двумя фразами говорится о создании в 1925 г. Комиссии СНК по научному исследованию Монголии и в 1927 г. — Монгольской комиссии АН, или о ее месте в структуре Академии наук⁸.

В российской монголоведческой литературе, при всем многообразии затрагиваемых проблем⁹, к вопросу о деятельности Академии наук в Монголии обращались довольно редко. В основном он рассматривался в аспекте крепнувших межгосударственных научных связей. Здесь следует особо отметить работы Р.Л. Балдаева, Ш.Б. Чимитдоржиева, И.Н. Киселева¹⁰, в которых рассмотрены разные стороны научного сотрудничества СССР и Монголии и особо отмечается важное значение организации совместных экспедиций. В последнем на сегодняшний день издании «Истории Монгольской Народной Республики» на

⁶ Материалы к истории Академии наук СССР (1917–1947) / Под ред. С.И. Вавилова. М.; Л., 1950. С. 44.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. С. 210; Кольцов А.В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932 гг. С. 132–133; Он же. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. Л., 1997. С. 73.

⁹ См.: Бойкова Е.В. Библиография отечественных работ по монголоведению. 1946–2000. М., 2005.

¹⁰ Балдаев Р.Л. К вопросу о сотрудничестве СССР и МНР в области науки (1921–1940) // Культурные и научные связи между СССР и МНР. М., 1981. С. 19–43; Балдаев Р.Л., Чимитдоржиев Ш.Б. Сотрудничество СССР и МНР в области науки на социалистическом этапе развития МНР // Там же. С. 132–160; Чимитдоржиев Ш.Б. Сотрудничество ученых СССР и МНР // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 2. С. 175–180; Киселев И.Н. Советско-монгольское научное сотрудничество (на примере АН СССР и АН МНР) // 50 лет Народной революции в Монголии. М., 1971. С. 163–179.

русском языке также только констатируется важность сотрудничества между Академией наук и Ученым комитетом Монголии¹¹. Следует заметить, что в перечисленных работах изложение материала носит также фактический характер, с выраженным идеологическим подходом и подчеркиванием позитивности советских инициатив в Монголии.

Изучению Монголии с XIII в. до середины XX в. российскими и иностранными учеными, путешественниками и миссионерами посвящена монография Э.М. Мурзаева — пожалуй, самое полное на сегодняшний день освещение этого вопроса, и статья Н.П. Шестиной¹². В числе других исследований в этих работах уделено внимание и экспедициям Академии наук. Но, в силу обзорной специфики, не рассмотрены причины организации и особенности изучения Монголии Академией наук.

Информация о деятельности Академии наук в Монголии содержится и в публикациях, посвященных ученым, участвовавшим в этих исследованиях. При этом, как правило, анализируется работа отдельных ученых и значение произведенных ими исследований для соответствующей отрасли знания¹³. В этом ряду особо следует отметить труды о Ж.Ц. Жамцарано, в которых рассматривается не только его научная, но и организаторская деятельность по созданию и развитию Ученого комитета Монголии, по укреплению его связей с Академией наук¹⁴.

В начале 2000-х гг. к анализу деятельности Академии наук в Монголии обратился В.В. Митин. В его публикациях акцентируется внимание

¹¹ История Монгольской Народной Республики. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 409.

¹² *Мурзаев Э.М.* Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1948; *Шестина Н.П.* История изучения Монгольской Народной Республики // Монгольская Народная Республика. М., 1952. С. 15–55.

¹³ См., напр.: *Глазовская М.А., Парфенова Е.И., Перельман А.И.* Борис Борисович Польнов. 1877–1952. М., 1977; Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Б.Я. Владимирцова. *Тезисы докладов.* М., 1984; *Аллатов В.М.* Николай-Николаас Поппе. М., 1996; *Решетов А.М.* Интеграция наук в научной деятельности и трудах С.А. Теплоухова // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Омск, 2003. С. 17–21.

¹⁴ См., напр.: Цыбен Жамцарано. Жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 110-летию Ц.Ж. Жамцарано. Улан-Удэ, 1991; *Решетов А.М.* Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 5–55; *Он же.* О переписке Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым // Там же. С. 56–89.

на послевоенных годах работы Монгольской комиссии и результатах конкретных направлений исследований¹⁵.

Отдельная информация о работе академических учреждений или отдельных ученых имеется в исследованиях российско-монгольских отношений на региональном уровне¹⁶, особенно информативна в этом отношении монография Е.И. Даревской «Сибирь и Монголия»¹⁷.

В последние два десятилетия появился ряд глубоких работ, основанных на анализе большого комплекса архивных документов, ставших доступными лишь недавно, касающихся внутривосточных проблем Монголии, ее отношений с Россией, анализа событий 1920–1940-х гг. Причем в работах монгольских авторов за последнее время произошли значительные изменения: от резкой критики деятельности СССР в Монголии до более взвешенных подходов, учитывающих влияние на развитие политической ситуации в Монголии в этот период не только внешних, но и внутренних причин¹⁸.

¹⁵ *Митин В.В.* О деятельности Монгольской комиссии АН СССР // Российское монголоведение. Бюллетень V. М., 2001. С. 195–207; *Он же.* Географические исследования в послевоенных планах Монгольской комиссии АН СССР // ИИЕТ им. С.И. Вавилова. Годичная конференция. 2002. М., 2002. С. 442–444; *Он же.* Экономические исследования в деятельности Монгольской комиссии АН СССР // ИИЕТ им. С.И. Вавилова. Годичная конференция. 2003. М., 2003. С. 193–195; *Он же.* Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941–1953 годы // *Mongolica-IV*. СПб., 2003.

¹⁶ *Кузьмин Ю.В.* Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX – 30-е годы XX в.). Иркутск, 1997; *Литованский Е.И.* Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.). Улан-Удэ, 1998; *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск, 2003.

¹⁷ *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск, 1994; Три портрета – три судьбы. Исторические очерки. Улан-Батор, 1997.

¹⁸ *Рошин С.К.* Политическая история Монголии. 1921–1940 гг. М., 1999; *Vaabar B.* History of Mongolia. Cambridge, 1999; *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999; *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. М., 2000; *Дамдисурэн С.* О внешнеполитических факторах независимости Монголии // Россия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Звенигород, 2–5 июня 2001 г. М., 2002. С. 87–102; *Батсайхан О.* К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920–1930-е годы // Россия и Мон-

Среди историко-научных работ на монгольском языке следует отметить «Историю Академии наук Монголии», в которой нашла отражение и деятельность Монгольской комиссии АН¹⁹.

При всем обилии современных зарубежных публикаций по истории Монголии²⁰, в них также практически не затрагиваются историко-научные аспекты, что видно, к примеру, из материалов двух последних Конгрессов монголоведов, проходивших в Улан-Баторе в 1997 г. и в 2002 г.²¹

В проведенном исследовании использован широкий круг опубликованных и архивных материалов. Наибольшую ценность для исторической реконструкции деятельности Монгольской комиссии представляют документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала (ПФА РАН), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Архива востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения (СПбФ ИВ) РАН, Архива Русского географического общества (РГО). Кроме того, автор имел возможность ознакомиться с некоторыми документами по деятельности Монгольской комиссии АН в Национальном центральном архиве Монголии в Улан-Баторе.

Среди опубликованных источников важное место для исследования занимают годовые Отчеты Академии наук²², а также отчеты руководителей и членов экспедиций, работавших в Монголии, опубликованные в серийных изданиях Академии наук: «Северная Монголия», «Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Тунну-Тувин-

голия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. Москва, 2001. С. 82–96; *Батбаяр Ц.* Монголо-советские отношения в 1930-е годы // Там же. С. 133–143; *Дэмбрэл К.* Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в. Иркутск, 2002.

¹⁹ Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх. Улаанбаатар, 2002. (History of Mongolian Academy of Sciences).

²⁰ См., напр.: International Bibliography of Mongolian Studies. Vol. 1. Ulaanbaatar, 1997. (Mongolica. An International Annual of Mongolian Studies. Vol. 8 (29). 1997. A Special Issue, Dedicated to the 10 year Anniversary of the IAMS). См. также: *Гольман М.И.* Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е гг. — начало 90-х гг. XX в. М., 1998.

²¹ A Special Issue Containing the Papers of 7th International Congress of Mongolists (12–16 August, 1997, Ulaanbaatar) // Mongolica. Vol. 10 (31). Ulaanbaatar, 2000; Summaries of Congress Papers. The 8th International Congress of Mongolists (5–11 August 2002, Ulaanbaatar). Ulaanbaatar, 2002.

²² Отчеты о деятельности АН СССР за 1923–1934 гг. Л., 1924–1935.

ской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР», «Труды Монгольской комиссии», выходявших с 1926 по 1957 гг.²³

Ценные дополнительные сведения по организации исследований Монголии Академией наук находятся в дневниках Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова, в подготовке к изданию которых участвовал автор данной работы²⁴. Дневники содержат обширные сведения политического, социально-бытового и культурного характера, впечатления от встреч с советскими и монгольскими государственными деятелями, учеными, руководителями Академии наук и Учкома Монголии, помогающие реконструировать события по организации Комиссии СНК по изучению Монголии.

В качестве источников настоящего исследования привлекались публикации документов по истории Академии наук²⁵, Политбюро ЦК ВКП (б)²⁶, по советско-монгольским научным связям²⁷ и советско-монгольским отношениям²⁸, а также материалы периодической печати: журналы «Новый Восток», «Хозяйство Монголии», «Жизнь Бурятии» и др.

²³ Северная Монголия. Вып. 1–3. Л., 1926–1928; Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 1–15. Л., 1929–1931; Труды Монгольской комиссии. Вып. 1–69. М.; Л., 1932–1957.

²⁴ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. — Научное наследие. Т. 30.

²⁵ Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. М., 1974; Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. / Отв. ред. Б.В. Левшин. Л., 1986; Документы по истории Академии наук СССР. 1926–1934 гг. / Отв. ред. Б.В. Левшин. Л.: Наука, 1988; Международные научные связи Академии наук СССР. 1917–1941; Летопись Российской академии наук. Т. I–III. СПб., 2000–2003.

²⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 1995; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП (б). 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000; Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП (б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. I. 1919–1929. М., 2000; Т. II. 1930–1939. М., 2001; Монголын тухай БХК(б)Н-ын баримт бичигт (1920–1952). Баримтын эмхтгэл. I боть. 1920–1932. Улаанбаатар, 2002. (Монголия в документах ВКП (б). 1920–1952. Сборник документов. Т. I. 1920–1932).

²⁷ Монгол-зөвлөлтийн соёл шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл. 1921–1960. I боть. Улаанбаатар, 2000. (Монголо-советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов. Т. I. 1921–1960.)

²⁸ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975; Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. II. Ч. 1. 1941–1974. М.; Улаанбаатар, 1979.

Настоящая работа не претендует на исчерпывающее освещение деятельности Монгольской комиссии Академии наук. Автор ставил своей целью рассмотреть историю ее создания и общие вопросы организации исследовательской работы в Монголии, выделить основные этапы, особенности деятельности, направления исследований. Что касается научных результатов, то они охарактеризованы в той мере, в какой это необходимо для реализации главной задачи данной работы, не затрагивая анализа сделанного как по отдельным направлениям, так и отдельными исследователями. Тем не менее, автор надеется, что настоящая работа внесет свой скромный вклад в изучение истории Академии наук и российско-монгольских научных контактов.

Автор выражает искреннюю признательность за помощь, советы и консультации в работе над данной темой сотруднику Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН к. и. н. А.М. Решетову, сотруднику Псковского государственного педагогического института В.В. Митину, сотруднику Библиотеки РАН С.В. Ретунской, сотрудникам Института востоковедения РАН и его Санкт-Петербургского филиала — д. и. н. С.К. Рошину, д. и. н. В.В. Грайворонскому, к. и. н. Е.В. Бойковой, к. филол. н. И.В. Кульганек, заместителю директора РГАСПИ, к. и. н. В.Н. Шепелеву, директору СПбФ ИИЕТ РАН, д. филос. н. Э.И. Колчинскому, сотрудникам Филиала д. и. н. А.И. Андрееву, к. и. н. Г.И. Смагиной, А.А. Паламарчук, д. филос. н. Т.В. Чумаковой, сотруднику Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, к. и. н. Б.Б. Дашибалову, сотруднику Ботанического института РАН, к. б. н. А.К. Сытину, сотрудникам Института истории Академии наук Монголии к. и. н. Н. Хишигт и к. и. н. Д. Эрдэнэбаатару; а также сотрудникам Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала, ГАРФ, АВП РФ, Архива Востоковедов СПбФ ИВ РАН, Архива РГО, Архива музея-квартиры П.К. Козлова за помощь в выявлении необходимых материалов.

Особая благодарность директору Музея-архива Д.И. Менделеева СПбГУ, д. х. н. И.С. Дмитриеву за интерес и внимание к данной работе, ценные критические замечания и предложения на разных стадиях подготовки рукописи, которые автор, в силу своих способностей и возможностей, постарался учесть.

Глава 1

АКАДЕМИЯ НАУК И МОНГОЛИЯ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

1.1. Монголия²⁹ как объект изучения в Академии наук

«Не останется без интересных <...> открытий
путешествие к монгольским пустыням»

П.С. Паллас

В первой четверти XVII века границы Русского государства продвинулись далеко на Восток и подошли к владениям монгольских ханов. Установление посольских и торговых отношений сделали актуальным изучение языка, территориальных, административных, этнических особенностей соседей и способствовали познанию Русским государством особенностей монгольского мира. Первыми источниками этих знаний стали послы и торговые люди³⁰.

²⁹ Здесь и далее речь идет о территории Внешней Монголии, или Халхи, северной части исторической области Монголия, территории современного государства Монголия (с 1924 по 1992 гг. — Монгольская Народная Республика, МНР).

³⁰ Подробно см.: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М., 1987; *Слесарчук Г.И.* Из истории посольских отношений России с северо-монгольскими ханами в 60–70-е годы XVII века // *Altaica I. М.*, 1997. С. 79–88.

В конце XVII века Монголия потеряла свою независимость, попала под власть маньчжурской династии Цин, и политическая обстановка на Дальнем Востоке стала определяться в основном взаимоотношениями России и цинского Китая. Монгольский вопрос во внешней политике России на долгое время отошел на второй план. До конца XIX века Монголия рассматривалась в России как окраина Китая, своего рода транзитная территория по пути в Пекин, что предопределило и приоритетность изучения именно Китая.

Политика изоляции страны от внешнего мира, проводимая Цинской империей, сделала Монголию до середины XIX в. практически закрытой территорией для иностранцев, в том числе и для русских. Долгое время Россию с Монголией связывали незначительные контакты на границе, курьеры генерал-губернатора Восточной Сибири, доставлявшие корреспонденцию Сената в пекинский Трибунал внешних сношений, и члены Русской духовной миссии, раз в десять лет проезжавшие через Монголию в Пекин³¹.

Но это не означало, что Монголия была *terra incognita* для российских ученых. Академия наук принимала активное участие в организации сбора сведений о природе и народах Монголии и обработке полученной информации и привезенных коллекций.

Подробно вопрос истории накопления знаний о Монголии и ее изучения учеными разных стран с XIII в. по XX в. рассмотрен одним из крупнейших знатоков географии этого региона Э.М. Мурзаевым³² и востоковедом Н.П. Шастиной³³. Мы кратко остановимся лишь на исследованиях Монголии и приграничных с ней территорий России, проведенных или инициированных Академией наук и отдельными учеными, позднее ставшими сотрудниками академических учреждений, где они продолжили изучение Монголии.

В XVIII в. исследовательский интерес российских ученых к Монголии был обусловлен широкомасштабным изучением Сибири Второй Камчатской экспедицией 1732–1743 гг. и академическими экспедициями 1768–1774 гг. Труды участников этих экспедиций — «Описание сибир-

³¹ *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). С. 4.

³² *Мурзаев Э.М.* Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1948.

³³ *Шастина Н.П.* История изучения МНР // Монгольская Народная Республика. М., 1952. С. 15–55.

ского царства» Г.Ф. Миллера³⁴, «Сибирская история» И.Э. Фишера³⁵, «Сибирская флора» и этнографические материалы И.Г. Гмелина³⁶ — имели важное значение для дальнейшего познания природы и населения сопредельных с Сибирью территорий. В капитальном труде Г.Ф. Миллера по истории Сибири, написанном на основе многочисленных документов, собранных в сибирских архивах, отношения с Монголией рассматриваются как «органическая часть этой истории»³⁷.

Первая научная систематизация географических знаний о Монголии нашла свое отражение в изданном в 1745 г. Академией наук «Атласе Российском». На карте «Иркуцкая провинция и море Байкал с вершиной реки Лены при том же части рек Аргуна и Амура с лежащими вокруг местами» была изображена и северная Монголия, показаны основные реки этой территории: Селенга, Орхон (с притоками), Оно, Керулен и др. и Кентейские горы (правда, не указано их название)³⁸.

Однако никто из сотрудников Академии наук в XVIII веке в Монголию так и не попал. Ближе всех к ее границе подошел П.С. Паллас во время экспедиции в Оренбургский край и Сибирь (1768–1774). Его маршрут по Южной Сибири в 1772 г. проходил через Красноярск, Иркутск и Яхту. Кроме того П.С. Паллас направил своего студента Н.П. Соколова к монгольской границе и отчет о его поездке исполь-

³⁴ [Миллер Г.Ф.] Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Сочинено Г.Ф. Миллером. Книга первая. СПб., 1750; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2002; Т. 3. М., 2005.

³⁵ И.Е. Фишеру было поручено составить по собранным Г.Ф. Миллером материалам и результатам своей поездки в Сибирь в 1740–1747 гг. сокращенную историю Сибири (Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках / Сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л., 1940; Летопись Российской академии наук. Т. 1. С. 340, 368, 402, 404); Fisher I.E. Sibirische Geschichte. St. Petersburg, 1768. Русский перевод вышел в 1774 г.: Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

³⁶ Gmelin J.G. Flora sibirica, sive historia plantarum Sibiriae. Bd. 1–4. St. Petersburg, 1747–1769; Gmelin J.G. Expedition ins unbekannte Sibirien. Jan Thorbecke Verlag, Sigmaringen, 1999.

³⁷ История Монгольской Народной Республики. С. 57.

³⁸ Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. С. 30.

звал в работах, написанных по материалам экспедиции³⁹. Журнал наблюдений Н.П. Соколова был передан в Географический департамент Академии наук «для усовершенствования географических карт тех местностей, где прошел Соколов»⁴⁰. Кроме того, в 1773 г. по рекомендации П.С. Палласа в Академию наук в качестве переводчика был принят И. Иериг, который по поручению П.С. Палласа занимался изучением монгольских, калмыцких и тангутских наречий и древних памятников в Астрахани, Оренбурге, Иркутске, в районе Гусиного озера, Удинска, Кяхты и регулярно высылал свои отчеты в Академию наук. Многие его работы также были использованы П.С. Палласом⁴¹.

Естественноисторические коллекции П.С. Палласа дали возможность судить о природе пограничных с Россией районов Монголии, а его труд «Собрание исторических известий о монгольских народностях»⁴² стал «первым специальным исследованием, посвященным истории и этнографии монголов, преимущественно их западной ветви — ойратов»⁴³. По окончании своей экспедиции в 1776 г. П.С. Паллас представил в Конференцию Академии наук проект дальнейших экспедиционных исследований в Азиатской части России. В числе прочего он отметил, что «не останется без интересных ботанических открытий» путешествие к монгольским пустыням по Кяхтинской дороге вплоть до Урги⁴⁴.

Это предложение удалось реализовать в 1830 г. Николай I разрешил Академии наук присоединить к очередной, одиннадцатой, духовной миссии в Пекин своих специалистов⁴⁵. Командированные Академией наук астроном Г.А. Фус и натуралист А.А. Бунге прошли через Монголию и Ургу по тракту Кяхта — Пекин. Г.А. Фус определил

³⁹ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках / Сост. В.Ф. Гнучева. С. 97–98; *Летопись Российской академии наук*. Т. 1. С. 616.

⁴⁰ *Летопись Российской академии наук*. Т. 1. С. 617.

⁴¹ Там же. С. 608, 628–630, 647, 649, 657, 662, 663, 689, 691, 698 и др.; *Шафрановская Т.К.* Монголист XVIII в. Иоганн Иеринг // *Страны и народы Востока*. География, этнография, история. Вып. 4. М., 1965. С. 155–163.

⁴² *Pallas P.S. Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*. Bd. 1. SPb., 1776; Bd. 2. SPb., 1801.

⁴³ Цит. по: *История Монгольской Народной Республики*. С. 58.

⁴⁴ Цит. по: *Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках*. С. 134.

⁴⁵ *Летопись Российской академии наук*. Т. II. С. 214.

координаты 35 географических пунктов, а А.А. Бунге собрал большую коллекцию монгольской флоры и описал монгольские степи в районе Калганского тракта⁴⁶.

А вот ранее планировавшаяся «ученая экспедиция» в Китай в 1805 г. в составе свиты российского посольства во главе с графом Ю.А. Головкиным не состоялась. Церемониальные требования китайского правительства оказались неприемлемыми для российской стороны, и посольство вынуждено было вернуться обратно. Из посланных Академией наук лиц (астроном и геодезист, академик по математике Ф.И. Шуберт, ботаник И.И. Редовский, лингвист-ориенталист Ю. Клапрот, зоолог и врач М.И. Адамс) в Монголии, в Урге, где проходили переговоры с китайскими чиновниками, побывал лишь И.И. Редовский. Остальные исследователи ожидали их результаты в Иркутске. В Академию наук поступили естественно-научные коллекции, собранные участниками несостоявшейся Китайской экспедиции на приграничной с Монголией территории⁴⁷.

В 1827–1829 гг. в районе озера Байкал и Кяхты провел свои геолого-минералогические исследования выпускник Дерптского университета Г.И. Гесс. Присланные им в Академию наук статьи получили положительный отзыв, и Г.И. Гесс был избран адъюнктом по кафедре химии (1828)⁴⁸.

Развитие классического монголоведения в России тесно связано с учреждением в 1818 г. в системе Академии наук Азиатского музея⁴⁹, который вскоре стал основным российским центром по собиранию, хранению и изучению восточных рукописей, в том числе монгольских. Первые шаги научного монголоведения в России связаны с именем академика И.Я. Шмидта. Он ввел изучение монгольской истории и

⁴⁶ *Бретшнейдер Е.В.* О путях по Монголии // [Палладий, архимандрит]. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия. СПб., 1892. С. 26–27; *Летопись РАН.* Т. II. С. 216, 218, 219, 220, 225, 229 и др.

⁴⁷ *Бретшнейдер Е.В.* О путях по Монголии. С. 23–24; *Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках.* С. 155–156; *Летопись РАН.* Т. II. С. 32, 37, 38, 41, 46.

⁴⁸ *Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках.* С. 174–175; *Летопись РАН.* Т. II. С. 199, 200, 205, 213.

⁴⁹ Подробно о деятельности Азиатского музея, о становлении и развитии монголоведения см., напр.: *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.* М., 1972.

филологии в число академических дисциплин и стал автором первой грамматики монгольского языка⁵⁰. После его смерти и до начала XX в. лингвистические, литературные и исторические монголоведческие исследования были в основном сосредоточены в Казанском⁵¹ и Петербургском университетах. К концу XIX в. лидером российского монголоведения стал Петербургский университет, многие ученые которого работали в тесной связи с Азиатским музеем АН⁵².

Важное значение для развития монголоведения в области истории, этнографии, языкознания имели труды сотрудников Российской духовной миссии, открытой в Пекине в 1716 г. С конца XVIII в. и до середины XIX в. именно их путевые заметки были фактически единственной информацией о Монголии, ее природе, истории, культуре, административном устройстве. Особенно следует отметить работы Н.Я. Бичурина (Иакинфа), Е.Ф. Тимковского, П. Кафарова (архимандрита Палладия)⁵³ и др. Научные заслуги Н.Я. Бичурина были отмечены избранием его в 1828 г. членом-корреспондентом Академии наук⁵⁴.

К середине XIX века обстановка в Центральноазиатском регионе резко изменилась. Ослабленный «опиумными» войнами (1840–1842 и 1856–1860 гг.) и Тайпинским восстанием (1850–1864), Китай вынужден был пойти на уступки западным странам, заключив с ними неравноправные договоры, представлявшие европейцам многие преимущества и привилегии в Китае. С Россией также был подписан целый ряд

⁵⁰ *Grammatik der mongolischen Sprache*. St. Petersburg, 1831. О деятельности И.Я. Шмидта в Академии наук см., напр.: *Летопись РАН*. Т. II. С. 208, 215, 216, 222, 244, 252, 256 и др.

⁵¹ Здесь в первую очередь следует отметить деятельность первого российского профессора монгольского языка О.М. Ковалевского, труды которого, по определению В.В. Бартольда, «вытеснили труды первого научного исследователя монгольского языка, академика Я.И. Шмидта». (*Бартольд В.В. История русского востоковедения*).

⁵² *Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета 1855–1905 гг.* // *Материалы для истории факультета восточных языков*. Т. 4. СПб., 1909.

⁵³ См., напр.: *Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.* Т. 1–3. СПб., 1824; [*Бичурин Н.Я.*]. *Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом*. Т. 1–2. СПб., 1828; [*Палладий, архимандрит*]. *Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг.* // *Записки ИРГО по общей географии*. Т. XXII. № 1. СПб., 1892.

⁵⁴ *Шастина Н.П.* Значение трудов Н.Я. Бичурина для русского монголоведения // *Очерки по истории русского востоковедения*. М., 1956. С. 181–197.

правовых документов (Кульджинский трактат 1851 г., Айгунский и Тяньцзинский договоры 1858 г., Пекинский договор 1860 г. и Торговые правила 1862 г.), закреплявшие за ней как ее территориальные претензии — бассейны рек Амура и Уссури, так и разрешавшие и расширявшие торговлю русских с монголами⁵⁵.

Все возрастающие российские политические и экономические интересы способствовали организации широкого географического познания территории Внешней Монголии. Особая роль в ее изучении во второй половине XIX века принадлежит, несомненно, Императорскому русскому географическому обществу. Знаменитые центральноазиатские экспедиции РГО под руководством Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, Н.Г. Потанина, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Роборовского, П.К. Козлова и др.⁵⁶ дали огромный естественнонаучный, этнографический и исторический материал о Монголии для учреждений Академии наук: Зоологического, Ботанического, Геологического и минералогического музеев (ГММ)⁵⁷, Азиатского музея, Музея антропологии и этнографии.

Большую исследовательскую работу в пограничных районах и в самой Монголии проводили Восточно-Сибирский отдел и Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела РГО⁵⁸. Их результаты нередко привлекали внимание Академии наук. Так, например, для изучения памятников древней тюркской письменности, обнаруженных в 1889 г. сибирским исследователем Н.М. Ядринцевым в бассейне р. Орхон, в 1891 г. была организована Орхонская археологическая экспедиция Академии наук под руководством академика В.В. Радлова. В состав экспедиции также вошли Н.М. Ядринцев⁵⁹ и Д.А. Клеменц, один из руководителей Восточно-Сибирского отдела

⁵⁵ Подробно см.: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия.

⁵⁶ См.: *Берг Л.С.* Всесоюзное географическое общество за 100 лет. 1845–1945 гг. М.; Л., 1946; *Мурзаев Э.М.* Русское географическое общество в истории Российской империи // Русское географическое общество. 150 лет. СПб.; М., 1995. С. 9–181.

⁵⁷ Геологический и минералогический музей им. Петра Великого существовал до 1925 г., когда произошло его разделение на Геологический музей и Минералогический музей.

⁵⁸ Подробно см.: *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. С. 203–237.

⁵⁹ *Ядринцев Н.* Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в южный Хангай в 1891 г. СПб., 1901. — Труды Орхонской экспедиции. Т. V.

РГО. По предложению Академии наук он продолжил в 1892–1896 гг. начатые Орхонской экспедицией работы⁶⁰. Кроме того, в работе Орхонской экспедиции принимали участие топограф И.И. Щеглов и прикомандированный от Санкт-Петербургского ботанического сада натуралист Н.П. Левин. Таким образом, экспедиция, кроме исследования археологических памятников, смогла выполнить целый ряд работ географического, картографического и естественноисторического характера (был собран гербарий для Ботанического сада, образцы горных пород и необходимые сведения для составления геологической карты местности, этнографические материалы и др.)⁶¹. Но самым важным результатом работы экспедиции стал перевод и научный комментарий орхонских надписей и составленный «Атлас древностей Монголии»⁶² — уникальный каталог, в котором запечатлены все встреченные экспедицией археологические памятники, различного рода письма, архитектурные особенности монгольских монастырей. В обработке материалов экспедиции принимали участие академики В.П. Васильев⁶³ и французский синолог и археолог Э. Шаванн⁶⁴.

С просьбами провести исследования в Монголии Академия наук обращалась к сотрудникам других учреждений. Так, например, профессор Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеев «взял на себя труд» выполнить поручение Академии наук по сбору информации об имею-

⁶⁰ Клеменц Д.А. Археологический дневник поездки в среднюю Монголию в 1891 г. СПб., 1895. — Труды Орхонской экспедиции. Т. II; *Он же*. Краткий отчет о путешествии по Монголии за 1894 г. // Известия Императорской Академии наук. 1895. Т. 3. № 3. С. 261–274.

⁶¹ Радлов В.В. Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Императорской АН экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона. СПб., 1892. С. II. — Труды Орхонской экспедиции. Т. I.

⁶² [Радлов В.В.] Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академии наук В.В. Радловым. Вып. 1. СПб., 1892. — Труды Орхонской экспедиции. «Атлас» посвящен президенту Академии наук, великому князю Константину Константиновичу «за безграничную заботливость <...> об интересах науки».

⁶³ Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабулгусуне. СПб., 1897. — Труды Орхонской экспедиции. Т. III.

⁶⁴ [Chavannes E.] Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentans Recueilles et Commentes par Edouard Chavannes. СПб., 1903. — Труды Орхонской экспедиции. Т. VI.

щихся по пути его экспедиции 1892–1893 гг., по заданию Министерства иностранных дел, древних памятниках. Как пишет А.М. Позднеев, основная задача поездки состояла в сборе материалов, на основании которых было бы возможно составить «полное, систематическое описание быта этой страны и его населения»⁶⁵. Предполагалось, что А.М. Позднеев подготовит по результатам поездки семь томов, шесть из которых, включающих описание маршрута, торговых связей России и Монголии, очерк политического устройства, истории ламаизма, этнографические материалы издаст РГО, а седьмой том — исторические материалы — Академия наук. Осуществить намеченные планы не удалось, и изданы были только два первых тома⁶⁶.

В конце XIX в. в основном закончилось экстенсивно-описательное изучение Центральной Азии. Большинство коллекций, собранных в Монголии многочисленными российскими экспедициями, были сосредоточены в Азиатском, Ботаническом, Зоологическом, Геологическом и минералогическом музеях АН. Эти коллекции способствовали формированию в России вообще и в Академии наук в частности специалистов различного профиля по изучению Монголии и дальнейшей активизации и специализации исследовательской работы в Монголии. Однако следует отметить, что инициировали и финансировали эти исследования, как правило, другие учреждения, а не Академия наук.

В 1892–1894 гг. в составе очередной Центральноазиатской экспедиции РГО под руководством Г.Н. Потанина работал геолог Иркутского горного управления В.А. Обручев (академик с 1929 г.). Он первым из российских ученых начал геологическое изучение Монголии⁶⁷. В одной из впадин пустыни Гоби по пути из Урги в Калган В.А. Обручев нашел осколки зубов третичного носорога. Эта находка опровергала гипотезу о покрытии большей части Гоби внутриматериковым морем Ханхай, которую долгое время разделяли многие ученые⁶⁸. Продолжить па-

⁶⁵ Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892 и 1893 гг. Т. 1: Дневники и маршрут 1892 г. СПб., 1896. С. XXI.

⁶⁶ Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892 и 1893 гг. Т. 1; Т. 2: Дневники и маршрут 1893 г. СПб., 1898.

⁶⁷ Обручев В.А. Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии, совершенном по поручению ИРГО в 1892–1894 гг. Т. I–II. СПб., 1900–1901.

⁶⁸ Мураев Э.М. Русское географическое общество в истории Российской империи // Русское географическое общество. 150 лет. С. 84–85.

леонтологические работы в этом направлении в Монголии российские ученые смогли лишь в 1946 г., и сенсационные находки скелетов динозавров в центральной Гоби были сделаны в начале 1920-х гг. американской Центральноазиатской экспедицией Нью-Йоркского музея естественной истории под руководством Р.Ч. Эндрюса, работавшей в Монголии с 1922 по 1929 гг.⁶⁹

Геологическими исследованиями в Монголии в 1913–1914 гг. занимался профессор Томского технологического института М.А. Усов (академик с 1939 г.). По заданию золотопромышленного общества «Монголор» он изучал Кентейский хребет в Монголии⁷⁰. Ботаник и географ В.В. Сапожников — профессор Томского университета — в 1905–1906 и 1908–1909 гг. провел подробное исследование северо-западной части Монгольского Алтая. Его книга «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо»⁷¹ долгое время была одним из самых полных описаний западной части Монгольского Алтая.

В Томске исследовательские работы в Монголии также инициировало организованное в 1909 г. Томское общество изучения Сибири. На его средства в 1916 г. совершила свою первую экспедиционную поездку в северо-западную Монголию для сбора геологических и ботанических коллекций студентка Сибирских высших женских курсов М.Ф. Нейбург, с 1921 г. — сотрудник Геологического отделения ГММ, участник нескольких экспедиций Монгольской комиссии⁷².

Из других научных учреждений, занимавшихся изучением Монголии в начале XX в., особо следует отметить Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях (1903–1917). Неоднократно (в 1908, 1911, 1913–1915 гг.) по поручению и на средства этого общества бывал в Монголии сотрудник Азиатского музея Б.Я. Владимирцов (академик с 1929 г.)⁷³, продолжив свою исследовательскую работу в 1920-х гг. уже

⁶⁹ *Andrews R.Ch.* The New Conquest of Central Asia. N.Y., 1932.

⁷⁰ *Усов М.А.* Орография и геология Кентейского хребта в Монголии // Известия Геологического комитета. Т. 34. Вып. 8. М., 1915. С. 889–991.

⁷¹ *Сапожников В.В.* Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Путешествие 1905–1906 гг. // Известия Томского университета. Томск, 1911.

⁷² А РАН. Ф. 690. Оп. 4. Д. 1. Доклад о поездке в северо-западную Монголию в 1916 г.

⁷³ *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002.

как член Монгольской комиссии. На средства Русского комитета археологическое изучение долины р. Орхон в 1912 г. проводил приват-доцент Петербургского университета В.Л. Котвич (член-корр. РАН с 1923 г.). Правда, в качестве отчета об этой поездке он написал краткий историко-политический очерк Монголии⁷⁴.

В 1902 г. состоялась поездка в Тункинский край и на озеро Косогол будущего председателя (1930–1945) Монгольской комиссии АН, президента (1936–1945) Академии наук СССР, ботаника В.Л. Комарова. В отчете об этой интересной поездке находятся не только ботанические наблюдения, но и географические: описание рельефа местности, климата, населения и др.⁷⁵ В 1905–1907 гг. В.Л. Комаров занимался изучением китайских и монгольских коллекций, переданных РГО в Санкт-Петербургский ботанический сад⁷⁶. И в дальнейшем он проявлял значительный интерес к вопросам исследования Монголии, посвятив ей ряд работ, особенно в области систематики монгольской флоры и описания ботанических коллекций российских путешественников⁷⁷. К сожалению, незавершенным остался его труд «Флора Монголии», несколько лет стоявший в издательских планах Монгольской комиссии СНК/АН СССР.

В 1903 г., еще будучи студентами Санкт-Петербургского университета, по заданию Минералогического общества АН начали свои исследования геологии западной Монголии и Тувы И.П. Рачковский и А.И. Педашенко⁷⁸. Работа А.И. Рачковского в Монголии и Туве продолжалась более трех десятилетий. Он стал одним из активнейших сотрудников Монгольской комиссии, ее ученым секретарем и заместителем председателя.

⁷⁴ Котвич В.Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914.

⁷⁵ Комаров В.Л. Поездка в Тункинский край и на озеро Косогол в 1902 г. // Известия ИРГО. 1905. Т. 41. Вып. 1. СПб., 1906. С. 23–154.

⁷⁶ Чернов А.Г. В.Л. Комаров. М., 1969.

⁷⁷ См., напр.: Комаров В.Л. Введение к флорам Китая и Монголии // Труды Имп. СПб ботанического сада. Т. XXIX. Вып. 1 и 2. СПб., 1908; *Он же*. Ботанические маршруты важнейших русских экспедиций в Центральную Азию. Ч. 1: Маршруты Н.М. Пржевальского // Труды Главного ботанического сада. Т. 34. Вып. 2. СПб., 1920; *Он же*. Ботанические маршруты важнейших русских экспедиций в Центральную Азию. Ч. 2: Маршруты Г.Н. Потанина // Труды Главного ботанического сада. Т. 34. Вып. 2. СПб., 1928.

⁷⁸ Обручев В.А. Естественные богатства Танну-Туvinской Республики и степень изученности последней // Новый Восток. № 13–14. Л., 1926. С. 263.

В течение нескольких лет руководил почвенно-географическими исследованиями в экспедициях Переселенческого управления Л.И. Прасолов (с 1918 г. — сотрудник Почвенного отдела КЕПС, академик с 1935 г.). В 1912 г. состоялась его поездка по маршруту Кяхта — Урга⁷⁹, в которой Л.И. Прасолов провел первые исследования почв Монголии⁸⁰. В 1924–1926 гг. они были продолжены другим сотрудником КЕПС Б.Б. Польшовым (академик с 1946 г.).

Орнитолог и зоогеограф, профессор Харьковского университета П.П. Сушкин (сотрудник Зоологического музея АН и Геологического и минералогического музея с 1921 г., академик с 1923 г.), работая в 1912–1914 гг. на Алтае, сделал несколько маршрутов в северную Монголию для сбора материалов по зоогеографическому разделению Восточной Азии⁸¹. Его интерес к Монголии не ослабевал и в дальнейшем. Он координировал работу зоологов, проводимую в рамках деятельности Монгольской комиссии, а в 1927 г. был заместителем председателя Комиссии.

В последние годы жизни П.П. Сушкин много времени отдавал палеонтологическим исследованиям. Его учениками в этой области были Ю.А. Орлов (академик с 1960 г.) и И.А. Ефремов — руководители российской Палеонтологической экспедиции в Монголии в 1946–1949 гг.

В 1915 г. орнитологические исследования в Монголии проводил председатель Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения РГО и директор его музея А.Я. Тугаринов (сотрудник Зоологического музея АН с 1926 г.), в 1926 и 1928 гг. продолжив их в рамках деятельности Монгольской комиссии⁸².

⁷⁹ Урга — с ноября 1924 г. Улан-Батор, столица Монголии.

⁸⁰ Результаты исследования вошли в книгу: *Прасолов Л.И.* Южное Забайкалье. Почвенно-географический очерк. Л., 1927. — Материалы ОКИСАР. Вып. 12. Серия Бурят-Монгольская.

⁸¹ *Сушкин П.П.* Поездка в юго-восточную часть Русского Алтая и северо-западную Монголию и заметки о птицах этой местности // Орнитологический вестник. Вып. 4. СПб., 1915; результаты поездки также вошли в книгу: *Сушкин П.П.* Список и распределение птиц Русского Алтая и ближайших частей северо-западной Монголии с описанием новых и мало известных форм. Л., 1925.

⁸² *Тугаринов А.Я.* Материалы для орнитофауны северо-западной Монголии (хребет Танну-Ола, озеро Убса-Нур) // Орнитологический вестник. Вып. 2 и 3. СПб., 1916; Северная Монголия и птицы этой страны // Предварительный отчет зоологической экспедиции в северную Монголию за 1926 год. Л., 1929. С. 145–236.

В начале XX в. работы по изучению языка, литературы и истории монгольских народов были в основном сосредоточены в Азиатском музее АН и на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. В это время в Петербурге работали выдающиеся монголоеды: В.В. Бартольд (академик с 1920 г.), Б.Я. Владимирцов, В.Л. Котвич, А.М. Позднеев, А.Д. Руднев. В своих исследованиях вопросам истории и религии Монголии большое внимание уделяли академики В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской. С Азиатским музеем тесно сотрудничали бурятские ученые: Б.Б. Барадийн, Ц.Ж. Жамцарано, Г.Ц. Цыбиков, которые внесли огромный вклад в развитие науки в Бурятии и Монголии.

Усилению научного изучения Монголии в 1910-х гг. способствовало изменение политической обстановки в регионе. В 1911 г. халхские князья, используя в своих интересах такие внутривосточные осложнения в самом Китае, как развал Цинской империи и начало Синьхайской революции, провозгласили независимость Внешней Монголии. В своей борьбе они опирались на дипломатическую поддержку России, которая, хоть и имела собственные интересы в Монголии⁸³, не хотела открыто вмешиваться в намечающийся китайско-монгольский конфликт. В частном письме Б.Я. Владимирцов так характеризовал складывающуюся вокруг Монголии ситуацию: «Наше правительство, с одной стороны, как будто и хочет что-то сделать в Монголии, но <...> с другой стороны, <...> боится, как бы его не обвинили в затее новой авантюры, вроде маньчжурской. <...> Трудно сказать, чем это кончится, но, думается мне, Россия так или иначе будет вовлечена в монгольские дела»⁸⁴.

Не желая обострения международной обстановки, царское правительство согласилось с определением статуса монгольского государ-

⁸³ В это время был организован целый ряд экспедиций и поездок представителей военных и торговых ведомств с целью широкомасштабного военно-стратегического изучения Монголии и анализа ее экономического положения. См., напр.: *Кушелев Л.* Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXVI. СПб., 1913; *Потов В.* Второе путешествие в Монголию. Ч. III. Исследование границы на участке Кяхта — Алтай. Иркутск, 1910; *Болобан А.П.* Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Пг., 1914; Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912.

⁸⁴ Письмо А.В. Бурдукову от 25 июня 1912 г. // *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 333–334.

ства как автономного района Китая, что и было закреплено в 1913 г. русско-китайской декларацией и в 1915 г. тройственным русско-китайско-монгольским соглашением. С этого времени новым приоритетом в дальневосточной внешней политике России стал курс на усиление своего политического и экономического влияния в Монголии, на создание из Монголии буферного государства⁸⁵.

Выступая в Особом совещании по обороне государства в феврале 1915 г., известный русский путешественник по Центральной Азии, тогда полковник Генерального штаба П.К. Козлов так определил основные задачи внешнеполитической деятельности России в Монголии: «Пришла пора нам — русским — начать <...> научное завоевание страны, практически — путем тесных экономических сношений. Взоры монголов должны навсегда остановиться на северо-западе — на России. Монголия — будущий буфер среди нас и Китая, который пробудился от многовекового покоя <...>»⁸⁶.

Если некоторые планы усиления экономического влияния в Монголии в предреволюционные годы успели реализовать⁸⁷ (прежде всего, следует отметить создание Монгольского банка и деятельность российского финансового советника при правительстве Монголии⁸⁸), то исследовательская работа ограничилась, в основном, деятельностью сибирских научных организаций. Из сотрудников Академии наук в 1916 и 1917 гг. в северо-западной Монголии и Урянхайском крае побывали И.П. Рачковский и А.И. Педашенко, командированные Гео-

⁸⁵ См.: Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.); Лузянин С.Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.

⁸⁶ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 91. Л. 2. Козлов П.К. К докладу в Особом совещании по обороне государства 13 февраля [1915].

⁸⁷ Подробно см.: Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.).

⁸⁸ В 1914–1916 гг. этот пост занимал С.А. Козин, впоследствии известный монголовед, академик с 1943 г. См.: Даревская Е.М. Русский советник правительства Монголии в 1914–1916 гг. С.А. Козин // Три портрета — три судьбы. Исторические очерки. С. 6–72. С.А. Козин и сменивший его в 1916 г. барон П.А. Витте организовали широкое обследование Монголии, в результате которого был собран обширный материал по экономике и природным ресурсам страны. К сожалению, эти материалы так и не были обработаны и опубликованы. Большая часть материалов осталась в Монголии, часть материалов находится в архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН.

логическим комитетом «с целью проведения рекогносцировочных работ для выработки плана систематического обследования, чтобы получить общую геологическую картину строения Монголии и выделить районы, заслуживающие особенного внимания в отношении полезных ископаемых»⁸⁹.

В 1915–1916 гг. приграничные с Монголией области Забайкалья и Алтая посетил А.И. Ферсман (академик с 1919 года), где он занимался поиском алюминиевых руд и изучал пегматитовые жилы и связанные с ними месторождения драгоценных камней⁹⁰.

В сложные и опасные годы Гражданской войны Монголия продолжала представлять серьезный экономический и торговый интерес для России, прежде всего для приграничных с ней областей Восточной Сибири. Так, в 1919 г. Иркутской конторой Всероссийского центрального совета потребительских обществ в Монголию был направлен для проведения социально-экономического обследования И.М. Майский (академик с 1946 г.). Результатом его поездки явилась книга «Современная Монголия»⁹¹, ставшая на долгие годы практически энциклопедией предреволюционной Монголии. В этой книге автор представил глубокий и всесторонний анализ не только экономики, но и географии, этнографии, религии Монголии.

В 1920 г. в приграничных с Монголией районах Танну-Тувы продолжил свои рекогносцировочные работы по заданию Геологического комитета И.П. Рачковский, вместе с которым работали З.А. Лебедева (сотрудник ГММ с 1921 г.) и М.Ф. Нейбург⁹².

Революция и Гражданская война ослабили влияние России в Монголии, чем в 1919 г. воспользовался Китай, который ввел свои войска в Монголию, что привело к установлению военной диктатуры и роспуску правительства. Освобождение страны от китайских гаминов и войск барона Унгерна связаны уже с национально-освободительным движением, сформировавшимся не только под воздействием внутренних причин, но и во многом благодаря идеологическому влиянию советской России.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5445. Оп. 37. Д. 10. Л. 79.

⁹⁰ *Перельман А.И.* Александр Евгеньевич Ферсман. М., 1983.

⁹¹ *Майский И.М.* Современная Монголия. Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Центросоюза. Иркутск, 1921.

⁹² *Обручев В.А.* Естественные богатства Танну-Тувинской Республики и степень изученности последней // Новый Восток. С. 266.

Первым международным актом в процессе формирования советско-монгольских отношений стало «Соглашение между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии» от 5 ноября 1921 г. Факт официального признания Монголии (де-юре все еще являющейся автономией Китая) советской Россией давал ей определенные гарантии для достижения в будущем полной независимости от Китая. Для советской стороны, помимо идеологических интересов, «Соглашение» являлось основанием для реализации внешнеполитической установки еще царской России: создания дружеского государства — буфера в случае возможной конфронтации с Китаем и Японией⁹³.

Известный шведский путешественник Свен Гедин, побывавший в Урге осенью 1923 г., писал: «Без русских монголы никогда бы не смогли завоевать свободу, отсюда легко можно понять, почему русские пользуются таким большим влиянием в стране»⁹⁴. Но, как показывают уже достаточно многочисленные публикации последнего десятилетия⁹⁵, это влияние не было таким однозначным, как казалось известному путешественнику. Советское направление во внешней политике Монголии стало «основным и приоритетным»⁹⁶ лишь в начале 1930-х гг. Монгольские партийные и государственные деятели на протяжении 1920-х гг. противостояли идеологическому давлению со стороны большевиков, отстаивая национальные особенности дальнейшего развития страны, и советская Россия вынуждена была предпринимать определенные меры для закрепления своего влияния в Монголии, в числе которых, как будет показано дальше, была научно-организационная деятельность Академии наук.

С началом стабилизации внутри- и внешнеполитической ситуации в России стала вновь активизироваться экспедиционная деятельность Академии наук. Первыми с предложением проведения исследования

⁹³ Подробно см.: *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в.

⁹⁴ Цит. по: *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе. XIII — середина XX в. М., 1988. С. 114.

⁹⁵ *Роцин С.К.* Политическая история Монголии. 1921–1940 гг.; *Baabar B.* History of Mongolia; *Батсайхан О.* К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920–1930-е годы; *Дамдисурэн С.* Монгольская национально-демократическая революция 1921 г. и российский фактор.

⁹⁶ *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. С. 105.

в Монголии, в ее северо-западной части, выступили Зоологический музей и ГММ. 28 сентября 1921 г. на заседании Отделения физико-математических наук Академии наук было рассмотрено предложение П.П. Сушкина об организации совместной экспедиции двух музеев для продолжения ранее проведенных геологических и зоологических исследований. По мнению руководства ГММ, сложившаяся политическая ситуация может способствовать этому научному предприятию, поскольку «с возникновением народного правительства в Монголии там прекратились волнения и между монгольским и советским правительством России установились дружественные отношения»⁹⁷.

На заседании Общего собрания АН 1 октября 1921 г. С.Ф. Ольденбург, докладывая о совместном проекте Зоологического музея и ГММ, выступил с предложением «ввиду того, что желательно такие экспедиции сделать по возможности разносторонними», а также поскольку «постоянно намечаются и осуществляются все новые экспедиции», образовать Комиссию по экспедициям, в задачи которой входила бы координация этих работ⁹⁸. Общее собрание одобрило предложение неперменного секретаря. Председателем Комиссии по научным экспедициям был избран С.Ф. Ольденбург.

В 1922 г. Академия наук «из особых сумм Совнаркома»⁹⁹ получила финансирование на проведение только геологической части экспедиции в Монголию. В соответствии с разработанным Геологическим отделением ГММ планом изучения Монголии в конце 1922 г. начала работу Монгольско-Урянхайская экспедиция под руководством И.П. Рачковского. Основными задачами экспедиции являлось «изучение петрографических провинций и массивов изверженных пород в связи с их золотоносностью; установление зависимости в этом отношении Урянхайского края юго-западной Сибири с северо-западной Монголией; изучение континентальных отложений северо-западной Монголии и определение их угленосности»¹⁰⁰. В состав экспедиции в 1923 г. входили, кроме И.П. Рачковского, геологи З.А. Лебедева и

⁹⁷ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 169. Л.141.

⁹⁸ Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. / Отв. ред. Б.В. Левшин. Л., 1986. С. 203. Комиссия по экспедициям работала в АН с 1921 по до 1926 гг., когда была преобразована в Особую комиссию по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР).

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5445. Оп. 37. Д. 10. С. 79.

¹⁰⁰ ПФА РАН. Ф. 128. Оп. 2. Д. 14. Л. 367.

П.П. Сизова. Эта экспедиция должна была положить начало систематическому обследованию Монголии, в соответствии с которым ее территория была разбита на 5 районов, и предполагалось, что по истечении 5 лет можно будет получить общую картину геологического строения страны и выделить районы с залежами полезных ископаемых¹⁰¹.

Но в 1923 г. у Академии наук по изучению Монголии появился серьезный конкурент — Монголо-Тибетская экспедиция РГО под руководством П.К. Козлова. Ее целью было географическое исследование юго-западной Монголии, Цайдама и Восточного Тибета. Остановимся на ней более подробно, поскольку, на наш взгляд, деятельность этой экспедиции стала одним из побудительных мотивов создания правительственной Комиссии по научному изучению Монголии и активного участия в этих исследованиях Академии наук.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 80–79.

1.2. Академия наук и Монголо-Тибетская экспедиция¹⁰² П.К. Козлова 1923–1926 гг.: несостоявшееся сотрудничество

«Успех нашего Козлова уже второй раз в области археологии заставил восторгнуться членов Академии наук»

Ю.М. Шокальский

Во второй половине XIX – начале XX в. организация больших многолетних экспедиций, особенно в зарубежные страны, являлась прерогативой РГО. Академия наук, как прежний организатор подобных экспедиций, невольно отошла на второй план. Ситуация стала изменяться после создания в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), давшей мощный толчок экспедиционной активности академических учреждений. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем. После революции экспедиционные исследования стали важнейшим и необходимейшим условием для скорейшего изучения и освоения природных ресурсов России.

В начале 1920-х гг., в период становления советской системы управления наукой, возникали множественные организационные формы (комиссии, комитеты, совещания и т. д.), регулирующие взаимоотношения науки и государства. Как было сказано выше, в октябре 1921 г. Академия наук создала Комиссию по экспедициям под председательством академика С.Ф. Ольденбурга. Но кроме Академии наук, экспедиционные исследования осуществляли и другие учреждения. Для межведомственной координации экспедиционной деятельности в апреле 1922 г. при Секции районирования Госплана РСФСР была также создана Комиссия по научно-исследовательским экспедициям. Данная комиссия взяла на себя подготовку конференции по изучению естественных ресурсов страны. Оргбюро этой конференции (совещания)

¹⁰² В литературе эта экспедиция известна как «Монголо-Тибетская», хотя она утверждена правительством как «Тибетская». П.К. Козлов в своих дневниках, которые он вел в этой экспедиции, употреблял оба названия.

было организовано в Петрограде¹⁰³. В его состав вошли представители ведущих научных организаций города, прежде всего академических учреждений. Работа Оргбюро вышла за рамки подготовки конференции. Много внимания уделялось сбору сведений об организации экспедиций, их систематизации и экспертной оценке¹⁰⁴.

Для взаимодействия научного сообщества и новой власти в июне 1922 г. при СНК РСФСР был создан Особый временный комитет науки, который возглавлял зам. председателя СНК А.И. Рыков. От Академии наук в него вошли академики В.А.Стеклов (вице-президент АН), П.П. Лазарев и А.Е. Ферсман¹⁰⁵. Такое авторитетное представительство позволяло Академии наук активно лоббировать свои проекты во властных структурах.

Экспедиционная деятельность РГО с начала Первой мировой войны практически прекратилась из-за отсутствия финансирования. Некогда процветавшее под высочайшим патронажем Общество к моменту окончания Гражданской войны не имело возможности для организации не только экспедиций, но и командировок своих членов¹⁰⁶. Исследовательская деятельность поддерживалась личными инициативами энтузиастов региональных отделов, которым Общество помогало получить разрешения для проведения работ¹⁰⁷. Возродить РГО, вернуть ему былую славу могла бы новая крупная экспедиция, возглавляемая ученым, чье имя было хорошо известно не только в России, но и за рубежом. Одним из самых авторитетных российских путешественников на тот момент являлся П.К. Козлов.

¹⁰³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 18. Д. 4. Протоколы заседаний Петроградского отделения Оргбюро; Д. 5. Материалы Оргбюро по созыву конференции по изучению производительных сил России.

¹⁰⁴ *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки (1917–1922). С. 254–256; ПФА РАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 14, 37. Отчет о работе Оргбюро совещания.

¹⁰⁵ Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л., 1968. С. 68–69.

¹⁰⁶ Об этом говорят не только многочисленные документы Архива РГО (Совета Общества), но и свидетельства ученых. Например Б.Я. Владимирцов в письме А.В. Бурдукову от 15.04.1923 г. пишет: «Академия действует вовсю <...> А вот Географическое общество совсем захирело» (*Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 366).

¹⁰⁷ Отчет о деятельности Русского географического общества за 1924 г. // Известия ГРГО. Т. LXVII. Вып. 2. Пг., 1925. С. 175

За плечами П.К. Козлова было пять больших экспедиций — первые три под началом Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова и В.И. Роборовского¹⁰⁸, и затем две самостоятельных — Монголо-Камская (1899–1901) и Монголо-Сычуаньская (1907–1909). Крупнейшее из открытий П.К. Козлова, сделавшее его имя всемирно известным, — обнаружение и раскопки в 1908 г. в южной части пустыни Гоби мертвого города Хара-Хото. Это открытие не только дало науке ключи к тайнам тангутской культуры и обогатило российские музеи уникальными художественными коллекциями, но и упрочило приоритет российских исследований в центральноазиатском регионе. В августе 1914 г. П.К. Козлов готовился выступить в новое путешествие в Монголию и Тибет, однако этому помешала начавшаяся мировая война. Вместо Азии полковника Генштаба П.К. Козлова направили на Юго-Западный фронт. В ноябре 1917 г. уже новая власть назначила путешественника комиссаром от Академии наук в знаменитый крымский акклиматизационный заповедник Аскания-Нова; в декабре 1920 г. Наркомпрос и РГО командировали его в Сибирь для налаживания связи с местными отделами и подотделами Географического общества.

С окончанием Гражданской войны у П.К. Козлова появилась надежда на возобновление исследовательской деятельности, на новое путешествие в Центральную Азию, в Монголию и особенно в заветный для него Тибет. Определенным стимулом для этого служило то, что большевистские вожди начали проявлять повышенный интерес к Востоку с целью усиления своего влияния в регионе. При этом Монголии уделялось особое внимание. К уже привычному для России внешнеполитическому образу Монголии как буферного государства прибавилась и идеологическая составляющая: Монголия рассматривалась советскими лидерами как плацдарм для продвижения революционных идей в Центральную Азию, роль которого возростала по мере крушения надежд на революцию в западных странах¹⁰⁹.

¹⁰⁸ П.К. Козлов участвовал в 4-й Центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского 1883–1885 гг., Тибетской экспедиции М.В. Певцова 1889–1890 гг., Тибетской экспедиции В.И. Роборовского 1893–1895 гг.

¹⁰⁹ Позиция большевистского правительства относительно Монголии весьма красноречиво охарактеризована видным советским дипломатом А.А. Иоффе в письме от 22 октября 1922 г. В.И. Ленину: «В будущем генеральном сражении трудящихся всего мира с мировой буржуазией монгольский революционный плацдарм, несомненно, сыграет огромную роль, связывая революционную

Совпадение региона научных интересов П.К. Козлова и геополитических — советского правительства — приняли в расчет руководители РГО — президент Общества Ю.М. Шокальский и ученый секретарь В.Л. Комаров. В письме к управделами СНК Н.П. Горбунову с просьбой поддержать инициативу П.К. Козлова они представили планируемую экспедицию как нечто совершенно исключительное, «единственное в своем роде предприятие», «важнейший географический подвиг». При этом подчеркивалось, что от экспедиции ожидают не только «блестящих результатов в научном отношении», но и «немаловажные практические результаты» в «отношениях с народностями Центральной Азии»¹¹⁰.

Авторитетнейший географ, профессор Московского университета Д.Н. Анучин в своем отзыве правительству об экспедиции П.К. Козлова выделил другой, не менее важный, с его точки зрения, аспект — по сегодняшнему определению, межцивилизационный, в первой четверти XX века скорее отражавший все еще популярные в обществе евразийские идеи славянофилов. Д.Н. Анучин подчеркнул, что «содействие Петру Кузьмичу в осуществлении этой экспедиции со стороны правительства СССР было бы желательным не только с точки зрения научной, <...> но и в других отношениях. Россия призвана, несомненно, играть важную роль в судьбах азиатских стран, и ей необходимо напоминать о себе отдаленным азиатским народам и оказывать на них культурное воздействие»¹¹¹.

Несмотря на тесные контакты с академическими учреждениями, П.К. Козлов не считал необходимым проинформировать о своих планах ни Комиссию по экспедициям АН, ни Петроградское отделение Оргбюро конференции производительных сил страны. Организацией экспедиции он занимался лично при поддержке Н.П. Горбунова. После согласования всех вопросов с Наркоминдел проект экспедиции П.К. Козлова 26 января 1923 г. был рассмотрен и утвержден на заседании Комитета науки, в котором участвовали А.Н. Рыков, М.Н. Покровский (представитель Наркомпроса), акаде-

Россию с великими народами Азии». Цит. по: Железняков А.С. Монгольская цивилизация в XX веке: диалоги с соседями // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Звенигород, 2–5 июня 2001 г. С. 49–50.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 305.

¹¹¹ Там же. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 79. Л. 25.

мики В.А. Стеклов и П.П. Лазарев, П.И. Пальчинский (представитель Госплана) и С.Е. Чуцкаев (представитель Наркомфина). Против принятия такого решения активно выступил В.А. Стеклов, назвавший экспедицию П.К. Козлова «второочередной»¹¹². Мнение В.А. Стеклова поддержали С.Ф. Ольденбург¹¹³ и другие авторитетные ученые — члены Секции человека Петроградского оргбюро по созыву конференции по изучению производительных сил (С.И. Руденко, Л.Я. Штернберг, В.П. Семенов-Тянь-Шанский и др.)¹¹⁴. Научное сообщество беспокоил, прежде всего, тот факт, что финансирование такого дорогостоящего предприятия (правительство выделило П.К. Козлову около 100 000 руб. золотом¹¹⁵) скажется на исполнении плана академических экспедиций, и так составляемого с соблюдением «всемерной экономии»¹¹⁶. Утвержденная Госпланом смета Тибетской экспедиции РГО более чем в десять раз (!) превышала сумму, выделенную правительством на академические экспедиции 1923 г.¹¹⁷

Кроме того, возражение вызывали исследовательский метод П.К. Козлова — научная рекогносцировка, и состав экспедиции, костяк которой составляли молодые люди, не имеющие достаточной научной квалификации. Из трех старших помощников П.К. Козлова только один — ботаник экспедиции Н.В. Павлов — имел опыт науч-

¹¹² Архив РГО. Ф. 1–1923. Оп. 1а. Д. 9. Л. 10.

¹¹³ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 11. Л. 4.

¹¹⁴ Подробная информация о разногласиях между Академией наук и РГО по поводу экспедиции П.К. Козлова содержится в докладе Ю.М. Шокальского Совету Географического общества (13 февраля 1923 г.): Архив РГО. Ф. 1–1923. Оп. 1а. Д. 9. Л. 10–12.

¹¹⁵ В решении Временного комитета науки указывалось: «Отпустить 50 тыс. рублей в серебряных ланах и 50 тыс. в золотом исчислении советскими знаками на оборудование экспедиции Козлова в Тибет» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 126. Л. 366.). К этому еще следует прибавить деньги, выделенные на подарки Далай-ламе и его свите, а также стоимость подарков, полученных из Гохрана.

¹¹⁶ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1923. Д. 1. Л. 148.

¹¹⁷ В письме в Госплан от 12 октября 1923 г. А.Е. Ферсман перечислил 4 первоочередные экспедиции 1923 г. РАН (Калиева — Институт физико-химического анализа, Батогольская — Минералогическое отделение ГММ АН, Южно-Уральская — КЕПС, Тургайская — ГММ АН), на которые было ассигновано правительством 10 000 руб. золотом (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1923. Д. 1. Л. 148).

ной работы. Второй старший помощник — С.А. Глаголев — закончил Географический институт в Петрограде накануне отъезда экспедиции из России. Третий помощник — Е.В. Козлова — только начинала познавать премудрости орнитологии, правда, под руководством такого крупнейшего специалиста, как П.П. Сушкин¹¹⁸.

Пожелание о включении в состав экспедиции квалифицированных ученых для проведения всесторонних исследований региона высказывал также Д.Н. Анучин и в уже цитированном отзыве, и несколько позже, в рецензии на книгу П.К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото»¹¹⁹. Он особо подчеркивал, что «отпуск крупных средств налагает обязанность использовать их возможно более производительно», и было бы желательно, «чтобы в выработке плана экспедиции, ее состава, путей и целей содействовал путешественнику ряд известных специалистов, хорошо знакомых как с современным состоянием соответствующих наук, так и с задачами изучения Центральной Азии»¹²⁰.

Но в глазах правительства экспедиция такого авторитетного исследователя Центральной Азии, как П.К. Козлов, имела большие шансы не только для решения научных задач, но и политических, а именно: усиления влияния советской России в этом регионе. Тем более, что в Монголии с 1922 г. работала большая экспедиция Музея естественной истории Нью-Йорка под руководством профессора Р.Ч. Эндрюса. Поэтому, несмотря на активное противодействие руководителей Академии наук, 27 февраля 1923 г. СНК СССР постановил:

1. Признать своевременной и целесообразной экспедицию РГО в Монголию и Тибет под руководством путешественника П.К. Козлова сроком на 3 года.

2. Принять расходы экспедиции на средства правительства¹²¹.

Решение о непосредственно правительственном финансировании экспедиции несколько притушило разногласия между Академией наук и РГО. В письме из Москвы от 8 марта 1923 г. П.К. Козлов писал жене:

¹¹⁸ Подробно о Е.В. Козловой см.: *Гнатюк Т.Ю.* Е.В. Козлова: русская путешественница в Монголии // *Altaica VIII*. 2003. С. 49–60.

¹¹⁹ *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция РГО в Нагорной Азии 1907–1909. М.; Пг., 1923.

¹²⁰ *Анучин Д.* Экспедиция П.К. Козлова в Центральную Азию // *Новый Восток*. № 3. Пг., 1923. С. 399–404.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 79. Л. 39.

«Сегодня <...> я встретился со Стекловым и поздоровался как ни в чем не бывало. Стеклов был так мил, так искренне любезен со мной, как никогда!»¹²².

Судьба этой экспедиции П.К. Козлова оказалась весьма драматичной и складывалась очень непросто¹²³.

В Ургу — отправной пункт дальнейшего караванного маршрута в глубь Центральной Азии — экспедиция прибыла 1 октября 1923 г. Но выйти по намеченному маршруту ей так и не пришлось. На заседании Политбюро ЦК РКП (б), состоявшемся 22 ноября 1923 г., на основании сообщений о политической неблагонадежности П.К. Козлова, поступивших от НКВД и ГПУ¹²⁴, было принято решение о запрещении деятельности Монголо-Тибетской экспедиции и отзыве ее в Россию¹²⁵. Правда, в письме П.К. Козлову это решение Политбюро Н.П. Горбунов мотивировал сложной международной обстановкой¹²⁶.

П.К. Козлов не выполнил приказ центра. Несколько сократив состав экспедиции, он остался в Монголии, в надежде на то, что международная обстановка и мнение властей могут измениться, и занялся изучением богатой и своеобразной природы Ургинского района. Весной 1924 г. П.К. Козлов принял решение начать раскопки древних курганов в горах Ноин-Ула, недалеко от Урги. Экспедиции сопутствовала удача. В древних могильниках, оказавшихся погребениями хунну эпохи Ханьской династии, были найдены прекрасно сохранившиеся погребальные предметы: ткани, войлочные ковры с изображениями мифических животных, женские косы, седла, изделия из золота, бронзы, керамика и многое другое.

¹²² Архив музея-квартиры П.К. Козлова. Ф. 1. Оп. 6. Д. 393.

¹²³ Подробно об экспедиции см.: *Андреев А.И., Юсупова Т.И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74; *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.

¹²⁴ Первый раз вопрос о благонадежности П.К. Козлова и целесообразности его экспедиции был инициирован Ф.Э. Дзержинским и рассматривался на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) в июле 1923 г. Но тогда Политбюро по предложению И.В. Сталина ограничилось введением в состав экспедиции политкомиссара (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 362. Л. 6. и Ф. 76. Оп. 3. Д. 293. Л. 2.)

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 395. Л. 1.

¹²⁶ *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. С. 82–83.

О своих археологических находках П.К. Козлов тут же сообщил в РГО и в Главнауку Наркомпроса. Одновременно он отправил статью о достижениях экспедиции в газету «Известия». После публикации статьи (15 июля 1924 г.)¹²⁷ Монголо-Тибетская экспедиция вновь оказалась в центре внимания научной общественности.

Что касается Академии наук, то начавшиеся в Монголии раскопки вызвали у нее не только огромный интерес, но и большое беспокойство из-за отсутствия в отряде П.К. Козлова профессиональных археологов. Тревогу неперменного секретаря АН С.Ф. Ольденбурга разделил академик Н.Я. Марр, направивший 24 июля 1924 г. в РГО, Ю.М. Шокальскому, письмо от имени возглавляемой им Академии истории материальной культуры. В письме он выразил недовольство тем, что П.К. Козлов ничего не сообщил его учреждению о своих работах и не просил содействия специалистов. «Все это заставляет бояться, — заключал Н.Я. Марр, — что повторяются и здесь те же дела, какие имели место в Хара-Хото»¹²⁸.

С.Ф. Ольденбургу удалось убедить Н.П. Горбунова¹²⁹ направить в помощь экспедиции профессиональных археологов: С.А. Теплоухова и Г.И. Боровку. Выбор этих кандидатур был не случаен. С.А. Теплоухов — хранитель Этнографического отдела Русского музея и сотрудник АИМК, с 1920 г. занимался археологическими раскопками в Енисейской губернии (в Минусинском крае), производил классификацию археологических памятников этого южно-сибирского района. Здесь он работал и летом 1924 г.¹³⁰ С.Ф. Ольденбург характеризовал С.А. Теплоухова как «опытного археолога и энергичного работника вообще»¹³¹.

Г.И. Боровка — хранитель скифской секции эллино-скифского отделения Государственного Эрмитажа, профессор Петроградского университета и также сотрудник АИМК, был специалистом по античному и скифскому искусству. Как можно было предположить из газетной

¹²⁷ П.К. Козлов о своих работах в Монголии (письмо начальника Тибетской экспедиции путешественника П.К. Козлова) // Известия. 1924. 15 июля. № 159.

¹²⁸ Архив РГО. Ф. 1–1924. Оп. 1. Д. 5. Л. 33. Выполненные на невысоком профессиональном уровне, раскопки в Хара-Хото в свое время вызвали серьезные нарекания археологов.

¹²⁹ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. С. 293, 310.

¹³⁰ О С.А. Теплоухове см., напр.: Решетов А.М. Интеграция наук в научной деятельности и трудах С.А. Теплоухова.

¹³¹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 35.

заметки П.К. Козлова, археологические находки экспедиции соответствовали предмету научного изучения Г.И. Боровки.

Кроме археологов, С.Ф. Ольденбургу за счет средств экспедиции П.К. Козлова удалось послать в Ургу еще двух специалистов: почвовед, научного сотрудника КЕПС, профессора Б.Б. Польшова и минералога, старшего ученого хранителя Минералогического отделения ГММ В.И. Крыжановского¹³². Командировка последнего была инициирована А.И. Ферсманом. Во время небольшой экспедиции на Алтай и в Забайкалье в 1916 г. его очень заинтересовала информация о крупных месторождениях топазов и аметистов в Монголии. Разыскать, исследовать и описать ургинские топазы, проверить некоторые научные предположения и было поручено В.И. Крыжановскому¹³³.

Работа Б.Б. Польшова и В.И. Крыжановского в Монголии проходила в тесном контакте с Монгольским ученым комитетом и по плану, скоординированному с его ученым секретарем Ц.Ж. Жамцарано.

С.А. Теплоухов, осмотрев раскопки, признал сделанное экспедицией в общих чертах удовлетворительным, однако в деталях отметил некоторые упущения, которые он предполагал устранить. П.К. Козлов согласился, что его экспедиции было не по плечу детальное изучение археологических памятников, ее задача иная — проведение рекогносцировочных исследований¹³⁴.

На самом деле раскопки экспедиции мало удовлетворили С.А. Теплоухова, о чем он 13 октября 1924 г. откровенно написал С.Ф. Ольденбургу. Указав на серьезные упущения при ведении работ, С.А. Теплоухов сообщил, что первоначально хотел ограничиться лишь исправлениями уже сделанного, но «политические соображения (конечно, академические) как внешние, так и внутренние, также желание всех окружающих» заставили его решиться самому раскопать один курган¹³⁵.

¹³² Решение о командировке в Монголию научных сотрудников было согласовано с председателем СНК СССР А.И. Рыковым, в письме которого от 2 августа 1924 г. П.К. Козлову указывалось, что ученые должны быть зачислены в штат экспедиции на все виды довольствия. По мнению правительства, у П.К. Козлова средства для этого должны были быть «в виду невозможности экспедиции следовать по первоначально намеченному Тибетскому маршруту». (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 79 об.–80.)

¹³³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 101.

¹³⁴ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. С. 317.

¹³⁵ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 80.

Однако еще до того, как С.Ф. Ольденбург получил письмо С.А. Теплоухова, 12 октября он отправил П.К. Козлову телеграмму с предложением приехать в Ленинград для отчета о проделанной работе¹³⁶. И хотя эта поездка была инициирована самим путешественником (просьбу об этом он послал Н.П. Горбунову, в Главнауку и Географическое общество еще в начале сентября¹³⁷), вызов С.Ф. Ольденбурга на фоне приезда сотрудников Академии наук явно озадачил П.К. Козлова и подтвердил его предположение, что «борьба РГО с Академией» из-за его экспедиции «все еще продолжается»¹³⁸, за вызовом в центр он почувствовал «руку Академии наук».

Страсти вокруг Монголо-Тибетской экспедиции еще больше накалились после заседания Комиссии по научным экспедициям АН 17 ноября 1924 г.¹³⁹ Выступавший с докладом о результатах поездки в Монголию В.И. Крыжановский отметил, что по просьбе Ученого комитета он прочитал в Урге ряд лекций о произведенных исследованиях и подарил местному музею дублиеты найденных минералов. Все это, по его мнению, «расположило общественное мнение в пользу академических экспедиций». С.Ф. Ольденбург высказал надежду, что предстоящие поездки других ученых еще более углубят хорошие отношения с Ученым комитетом и правительством Монголии, которые, по его мнению, так и не удалось установить экспедиции П.К. Козлова¹⁴⁰. В связи с этим С.Ф. Ольденбург предложил обратиться к П.К. Горбунову и А.И. Рыкову по поводу целесообразности дальнейшей работы Монголо-Тибетской экспедиции, а П.К. Козлову представить отчет о проделанной работе. За день до этого заседания, 16 ноября 1924 г., Н.П. Горбунов

¹³⁶ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. С. 332–333.

¹³⁷ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 11. Л. 69; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 113 об.

¹³⁸ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. С. 334.

¹³⁹ Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. Л., 1986. С. 285–287. В публикации документа — ошибка. Заседание состоялось не 17 октября, а 17 ноября 1924 г. См.: ПФА РАН. Ф. 138. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 222.

¹⁴⁰ Не совсем понятно, на основании каких фактов С.Ф. Ольденбург сделал этот вывод. Судя по дневникам П.К. Козлова и тем почестям, которые оказывали экспедиции в Монголии, каких-либо проблем или недопонимания у путешественника ни с правительством Монголии, ни с руководителями Ученого комитета, почетным членом которого он был избран в феврале 1924 г., не было.

сам направил письмо С.Ф. Ольденбургу с просьбой дать заключение о результатах и представленных П.К. Козловым планах Монголо-Тибетской экспедиции на 1924–1925 гг.¹⁴¹

У С.Ф. Ольденбурга была еще одна причина обратиться к Н.П. Горбунову по поводу работы российских ученых в Монголии — письмо его коллеги и ученика, одного из руководителей Монгольского ученого комитета Ц.Ж. Жамцарано, с просьбой об оказании помощи со стороны Академии наук в организации научно-исследовательской работы в Монголии.

¹⁴¹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 82.

1.3. Академия наук и Ученый комитет Монголии

«Принципиально Учком всякое сотрудничество иностранных научных сил может только приветствовать»

Ц.Ж. Жамцарано

После победы в июле 1921 г. народной революции перед новой Монголией, еще вчера феодально-теократической страной, встали сложнейшие задачи по созданию национальных государственных институтов, в том числе и организации научных учреждений — одному из неперемных условий экономического развития. Но не менее важной проблемой являлось сохранение и возрождение национальной культуры, языка, литературы, истории, значительно растраченных за два с половиной века маньчжурского господства. Для успешного решения этих задач наука и образование должны были стать предметом государственной политики.

Одним из первых шагов в этом направлении явилось решение монгольского правительства от 9 ноября 1921 г. о создании «в целях ликвидации прежнего положения, когда Монголия была неграмотной, темной страной, в которой науки не изучались, а книг на монгольском языке было незначительное количество»¹⁴² Судар бичгийн хүрээлэн — Ученого комитета, или, сокращенно, Учкома Монголии¹⁴³. Дальнейшая

¹⁴² Цит. по: Очерки истории и культуры МНР. Улан-Удэ, 1971. С. 71.

¹⁴³ В литературе на русском языке достаточно часто встречается и другой перевод «Судар бичгийн хүрээлэн» — «Книжная палата» или «Комитет книг и рукописей». В официальных документах на русском языке, начиная с 1924 г., практически везде название «Судар бичгийн хүрээлэн» переводится как «Ученый комитет». П.К. Козлов, прибывший в Монголию в сентябре 1923 г., в своих дневниках использует также только «Ученый комитет». Этим переводом пользуется и Ц.Ж. Жамцарано в письмах к С.Ф. Ольденбургу периода 1924–1928 гг. В изданной в Улан-Баторе в 2002 г. «Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх» («История Академии наук Монголии»). «Судар бичгийн хүрээлэн» на английский переводится как “The Institute of Letters”; в книге: *Baabar B. History of Mongolia* (Cambridg, 1999) — “The Institute of Science and Letters” (Р. 276). В 1930 г. Ученый комитет в связи с расширением решаемых задач стал называться «Шинжлэх ухааны хүрээлэн» — в современном традиционном русском переводе — «Комитет наук», по аналогии с Академией наук. (В «Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх» по-английски он назван “The Institute of Sciences”). В 1961 г.

конкретизация целей и задач Учкома произошла во второй половине 1924 г., когда после ряда административных реформ Учком из Министерства просвещения был переведен в непосредственное правительственное подчинение¹⁴⁴. В постановлении правительства указывалось, что Учком должен стать не только ведущим учреждением по организации научной работы, но и проводить разностороннее изучение природных ресурсов страны, исторического прошлого Монголии и соседних стран, оказавших влияние на ее культуру и религию, а также заниматься издательской деятельностью¹⁴⁵. Уже значительно позже, в 1934 г., как одна из основных задач Ученого комитета констатировалась «организация научной разработки проблем национального хозяйства и культуры МНР в соответствии с задачами монгольской революции». При этом отмечалось, что до революции никакого изучения природных и культурных ресурсов страны не велось, если не считать того, что в течение XIX в. в Монголии побывали «несколько иностранных экспедиций, которые, однако, в своей деятельности отнюдь не руководствовались национальными интересами Монголии»¹⁴⁶.

Большую работу Учком проводил по сбору исторических и иных произведений и сочинений на монгольском, тибетском, маньчжурском языках, памятников истории и культуры. В этой работе опорой для Учкома стали образованные чиновники и ламы. Председатель Учкома О. Жамьян в 1927 г., характеризуя деятельность Комитета, отметил: «<...> идет коллекционирование всего ценного относительно Монголии вообще, чтобы было по чему учиться молодым людям»¹⁴⁷.

Комитет наук был преобразован в Академию наук Монголии. В архивных документах Монгольской комиссии АН после 1930 г. часто используется его прежнее название — Ученый комитет или Научно-исследовательский комитет. В данной работе до 1930 г. мы будем называть первое монгольское научное учреждение Ученым комитетом, после 1930 г. — Комитетом наук.

¹⁴⁴ В январе 1924 г. Ученый комитет вошел в состав Департамента народного просвещения Министерства внутренних дел, преобразованного в марте этого же года в Министерство просвещения, а в ноябре 1924 г. выведен из Министерства (Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх. С. 24).

¹⁴⁵ Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх. С. 24. Приношу искреннюю благодарность сотруднику СПбФ ИВ РАН, к. филол. н. И.В. Кульганек за помощь в переводе монгольского текста.

¹⁴⁶ Национальный центральный архив Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 207. X. 8.

¹⁴⁷ Цыбиков Г.Ц. Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // Избранные труды. Т. 2. Новосибирск, 1991. С. 123.

Но, кроме сохранения и изучения традиционных монгольских знаний, для Монголии, ставшей на путь коренных социальных преобразований, была жизненно важна «прививка» западной науки. Ц.Ж. Жамцарано в письме к иркутскому профессору В.И. Смирнову в апреле 1924 г. отмечал: «Работает Учком только около двух лет, причем главное внимание приходится уделять распространению европейских знаний в школах и народе»¹⁴⁸.

В деятельности Ученого комитета в 1920-х гг. особую роль сыграли два человека: его председатель О. Жамьян и ученый секретарь Ц.Ж. Жамцарано.

О. Жамьян — монгол, в свое время известный в Урге учитель¹⁴⁹, «очень хорошо образованный по-монгольски <...>, отлично знал рукописную литературу монголов и ревностно заботился о ее собирании и сохранении»¹⁵⁰. Основное внимание он уделял работе с монгольскими историческими источниками, развитию классического монгольского образования.

Ц.Ж. Жамцарано — бурят, русский подданный (до 1924 г.), неординарная личность, одна из самых ярких фигур в общественной и политической жизни Монголии в 1920-х гг. Он внес значительный вклад в организацию научных учреждений и развитие европейской науки в Монголии, и в то же время, в российское научное монголоведение¹⁵¹.

Закончив в 1900 г. Иркутскую учительскую семинарию, Ц.Ж. Жамцарано стал вольнослушателем Санкт-Петербургского университета,

¹⁴⁸ Национальный центральный архив Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 23. X. 31.

¹⁴⁹ Около двух лет у О. Жамьяна учился будущий лидер монгольской революции Д. Сухэ-Батор (*Рошин С.К.* Политическая история Монголии. 1921–1940. С. 66).

¹⁵⁰ *Шастина Н.П.* Из воспоминаний о Монголии // Книга братства. М.; Улаанбаатор, 1971. С. 201. Г.Ц. Цыбиков в своем дневнике писал о О. Жамьяне: «Он скромно говорит, что ничему не учился, знает только монгольскую грамоту и т. д. Это обычная преувеличенная скромность всех монголов». (*Цыбиков Г.Ц.* Дневник поездки в Ургу в 1927 г. Избранные труды. Т. 2. С. 123.)

¹⁵¹ В 1930 г. Ц.Ж. Жамцарано (в то время монгольский подданный), обвиненный в так называемом «правом уклоне», был исключен из членов МНРП, снят с должности ученого секретаря. В 1932 г. был вынужден уехать из Монголии. По приглашению С.Ф. Ольденбурга работал в Институте востоковедения АН. В 1937 г. арестован по обвинению в шпионской деятельности. Подробно о Ц.Ж. Жамцарано см.: *Решетов А.М.* Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // *Orient*. С. 5–55; *Цыбиков Б.Д., Чимитдоржиев Ш.Б.* Цыбен Жамцарано. Улан-Удэ, 1997.

который, правда, не окончил, но получил прочные и разнообразные знания на юридическом, физико-математическом и историко-филологическом факультетах. Здесь, в Петербурге, он познакомился с известными востоковедами С.Ф. Ольденбургом, В.В. Бартольдом, В.Л. Котвичем, А.Д. Рудневым, Б.Я. Владимирцовым, Д.А. Клеменцем и др., с которыми на долгие годы у него сложились теплые дружеские отношения. С 1903 г. он активно занимался экспедиционной деятельностью, собирая лингвистические, фольклорные, этнографические материалы монгольских народов, проводя собственные научные исследования и выполняя поручения российских востоковедов.

Но не только научная деятельность интересовала молодого бурята. Он участвовал в политических мероприятиях Университета, за что был выслан из Петербурга, и ему было запрещено жить в крупных городах Российской империи. В 1911–1917 гг. приехал в Монголию по приглашению правительства богдо-гэгэна, был советником по делам образования и культуры, преподавал в первой в Монголии светской школе.

После Февральской революции вернулся в Бурятию, активно занимался общественно-политической деятельностью. Ц.Ж. Жамцарано волновали бедственное положение бурятского народа и в целом судьба монгольских племен, поиск путей сохранения самобытности и национальной культуры. В советской власти его привлекала, прежде всего, идея о праве наций на самоопределение¹⁵². Он был одним из активнейших сторонников так называемого панмонгольского движения — идеи объединения всех монгольских народов (к этой этнической группе относятся также буряты и калмыки) в единое государство со столицей в Урге. Ц.Ж. Жамцарано отличало чувство высокого патриотизма по отношению к Монголии, страстное желание сделать жизнь монгольского народа лучше, счастливее.

В 1920 г. Дальневосточный секретариат Коминтерна командировал его в Монголию, где он занимался различными теоретическими вопросами партийного строительства и был одним из главных идеологов МНП/МНРП.

Ц.Ж. Жамцарано был убежден, что одним из важнейших условий возрождения монгольской государственности должны стать наука и просвещение. В своей научно-административной работе он исполь-

¹⁵² *Решетов А.М.* Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // *Orient*. С. 18.

звал опыт Российской академии наук, при этом опираясь на советы и поддержку С.Ф. Ольденбурга, который и рекомендовал ему инициировать создание Судар Бичгийн Хүрээлэн¹⁵³. Вообще личные связи С.Ф. Ольденбурга и Ц.Ж. Жамцарано имели особое значение для установления и развития научных контактов Академии наук и Учкома. Как показывают архивные документы, С.Ф. Ольденбург проявлял постоянный интерес к исследованию Монголии. При этом вся его деятельность, и как заместителя председателя Комиссии СНК, и как председателя Комиссии АН по исследованию Монголии, строилась на принципах глубоко уважения национальных приоритетов Монголии и стремлении учесть в исследовательской работе российских ученых потребности Учкома.

На Годичном заседании Ученого комитета 10 февраля 1924 г. Ц.Ж. Жамцарано выступил со своего рода программой дальнейшей деятельности Комитета, в которой было представлено, как пишет П.К. Козлов, «все то, что в совокупности поставило бы отсталую Монголию в ряд с Россией. Таких последовательных, систематически вытекавших один из другого, набралось около сорока вопросов. <...> Среди этих пунктов — создание музея. Как здесь не вспомнить, что у истоков РАН стояла знаменитая Кунсткамера»¹⁵⁴. Естественноисторическому музею как первой ступени накопления знаний о природе и истории страны, как научной лаборатории Ц.Ж. Жамцарано в своей работе уделял большое внимание. Пополнение фондов музея вскоре стало одним из обязательных условий работы всех иностранных экспедиций на территории Монголии.

Ц.Ж. Жамцарано развивал и другую традиционную форму деятельности научных обществ — избрание в его ряды в качестве почетных членов иностранных ученых. В 1924 г. в почетные члены Учкома были избраны П.К. Козлов («учитывая Ваши заслуги в многолетних фундаментальных исследованиях Монголии и Тибета, в знак глубокого уважения»¹⁵⁵) и Б.Я. Владимирцов («руководствуясь желанием

¹⁵³ Об этом, в частности, пишет один из первых монгольских академиков Б. Ринчин в своих воспоминаниях «На Север мы шли за знанием» (Книга Братства. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 156).

¹⁵⁴ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. С. 127.

¹⁵⁵ Цит. по: Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I: 1921–1940. С. 91.

установить контакты со всеми светлыми умами мира, <...> такое избрание поможет в организационном и кадровом укреплении <...> молодого научного учреждения¹⁵⁶), в 1925 г. — С.Ф. Ольденбург («особо почитая глубокие научные знания <...> [Учком] питает надежду, что наш почетный член поделится своими научными знаниями»¹⁵⁷) и другие российские и иностранные ученые¹⁵⁸.

Как было сказано выше, одной из главных задач, стоящих перед Учкомом, являлось всестороннее изучение естественноисторических условий и особенностей страны. Весьма скромные финансовые возможности, слабая материальная база, недостаток (практически отсутствие) специалистов не позволяли широко развернуть работу в этом направлении¹⁵⁹. Понимая, что собственными силами задачи, поставленные перед Учкомом, не решить, Ц.Ж. Жамцарано активно инициировал международные связи первого монгольского научного учреждения. Прежде всего, в силу сложившейся международной обстановки и географического соседства, с российскими научными учреждениями — Иркутским и Владивостокским университетами, Бурятским Учкомом и РАН. Хотя это не означало, что Учком рассматривал рос-

¹⁵⁶ Там же. С. 92. Когда на заседании Ученого комитета 10 февраля 1924 г. зашел разговор о том, что среди членов монгольского Учкома мало монголов, П.К. Козлов заметил: «Не надо только бояться, что в Ученом комитете доминирует не монгольский язык. Когда-то, в самом начале и на протяжении свыше 100 лет, в РАН главенствовал язык немецкий с сильной оппозиционной немецкой партией. А когда русские сами подросли, впитав в себя целиком европейскую цивилизацию, в РАН стала исключительно национальная, русская партия — великое торжество самих русских, так смотрите и вы, монголы, не пугайтесь вторжения в ряды ученых членов вашего Комитета, это неизбежно, но это приведет вас к цели!» (*Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.* С. 127)

¹⁵⁷ Цит. по: Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. С. 117.

¹⁵⁸ В 1925 г. почетным членом Ученого комитета был выбран французский востоковед П. Пелио.

¹⁵⁹ К этим работам Учком привлекал бурятов и русских, живших в то время в Урге. Многие из них в 1914–1917 гг. работали в Управлении русского финансового советника при монгольском правительстве и участвовали в организованных им экспедициях по обследованию экономического положения Монголии. См.: *Даревская Е.М.* Русский советник правительства Монголии в 1914–1916 гг. С.А. Козин // Три портрета — три судьбы. С. 6–72.

сийское направление своей международной деятельности как единственное¹⁶⁰. Ц.Ж. Жамцарано в упомянутом письме В.И. Смирнову писал: «Принципиально Учком всякое сотрудничество иностранных научных сил может только приветствовать, но при условии представления Учкому полного отчета о работах для публикации в «Записках Ученого комитета» и по одному экземпляру всего собранного материала в Монгольский национальный музей»¹⁶¹.

В сентябре 1922 г. руководители Учкома обратились к С.Ф. Ольденбургу с официальным письмом, в котором просили Академию наук рассмотреть возможность научного сотрудничества и помощи Комитету, в том числе в формировании научной библиотеки. В качестве дара и первого шага к взаимному книгообмену Учком передал в Азиатский музей АН отсутствующие в России части героического эпоса «Гэсэриада»¹⁶².

Летом 1923 г. в Ургу по просьбе Учкома были командированы три студента Петроградского института живых восточных языков, молодые востоковеды Н.Н. Бабынин, В.А. Казакевич, А.В. Петров. В Мон-

¹⁶⁰ В отчете о деятельности Ученого комитета 1924 г. отмечена тесная связь с Учкомом Бурятии, РАН, «а также возникшие в последнее время научные сношения с различными европейскими и американскими организациями» (Национальный центральный архив Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 57. X. 2). На территории Монголии в 1920-х гг. работала Центральноазиатская экспедиция Нью-Йоркского музея естественной истории под руководством Р.Ч. Эндрюса, в 1922–1924 гг. — датская сельскохозяйственная экспедиция доктора К. Кребса. В ноябре 1923 г. Ургу проездом из Пекина в Москву посетил известный шведский путешественник Свен Гедин, в 1926–1927 гг. в Монголии находилась экспедиция Н.К. Рериха. Широким международным контактам Ученого комитета препятствовала, в первую очередь, неопределенность международного положения Монголии. Ее независимость была признана только СССР. Но и в этих условиях представители национал-демократических сил монгольского правительства в 1925–1928 гг. (период «правого курса» в истории современной Монголии) пытались развить научные, технические и торговые связи с Германией, Францией, Америкой (*Baabar B. History of Mongolia. P. 276–277; Росов В.А. Николай Рерих. Вестник Звенигорода. Кн.1. СПб., 2002. С. 63–64*).

¹⁶¹ Национальный центральный архив Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 23. X. 31.

¹⁶² Монгол-зөвлөлтийн соёл шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл. 1921–1960. (Монголо-советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов). I боть. С. 18; Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. С. 519.

голии они не только входили «в живую связь с народом»¹⁶³, который изучали, но и выполняли по поручению Учкома разнообразную научную и организационную работу: переводили на монгольский язык необходимую для новой Монголии российскую и иностранную литературу, занимались поисками исторических рукописей, совершали экспедиционные поездки.

Заметным фактом не только научной, но и общественной, и культурной жизни столицы Монголии стало пребывание в Урге Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова. Члены экспедиции не остались в стороне от научно-организационной деятельности Учкома, оказывая ему разнообразную помощь в проведении краеведческих исследований и формировании естественноисторических коллекций музея. Особенно следует выделить деятельность члена экспедиции С.К. Кондратьева, который много времени отдавал изучению музыкального монгольского фольклора. В 1925 г. по просьбе Ц.Ж. Жамцарано он перешел работать в Учком¹⁶⁴. По окончании экспедиции остался работать в Улан-Баторе (так с конца 1924 г. стала называться Урга) еще один сотрудник

¹⁶³ Как писал директор ПИЖВЯ/ЛИЖВЯ В.Л. Котвич в письме А.В. Бурдукову: «Посылаем в Ургу трех молодых еще только начинающих монголистов, чтобы они вошли в живую связь с народом, который они будут изучать.» (*Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. С. 287*).

¹⁶⁴ С.А. Кондратьев был старшим помощником П.К. Козлова. В 1924 г. руководил, по его поручению, раскопками Ноин-Ульских курганов. В Учкоме занимался изучением музыкального творчества монголов. Итогом этой работы стала монография «Музыка монгольского эпоса и песен» (М., 1970). Кроме того — географическими исследованиями, метеорологическими и астрономическими наблюдениями, различными организационными вопросами. Н.В. Павлов писал 1 июля 1926 г. С.Ф. Ольденбургу: «В Урге <...> С.А. Кондратьева я нашел в добром здравии, продуктивно и интересно работающим не только в музыке, но и в археологии, метеорологии и астрономии — словом, он совершенно универсален и необходим в Учкоме Монголии» (ПФА РАН. Оп. 1–1926. Д. 58. Л. 61). В Монголии С.А. Кондратьев работал до 1931 г., периодически приезжая в Россию для решения административных вопросов и продления своей командировки. В Учкоме работала и его жена, М.И. Клягина-Кондратьева, которая была командирована в 1926 г. Комиссией СНК по научному изучению Монголии и Танну-Тувы, также по просьбе Ц.Ж. Жамцарано. О С.А. Кондратьеве см.: Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России / Ред.-сост. И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков. СПб., 2006.